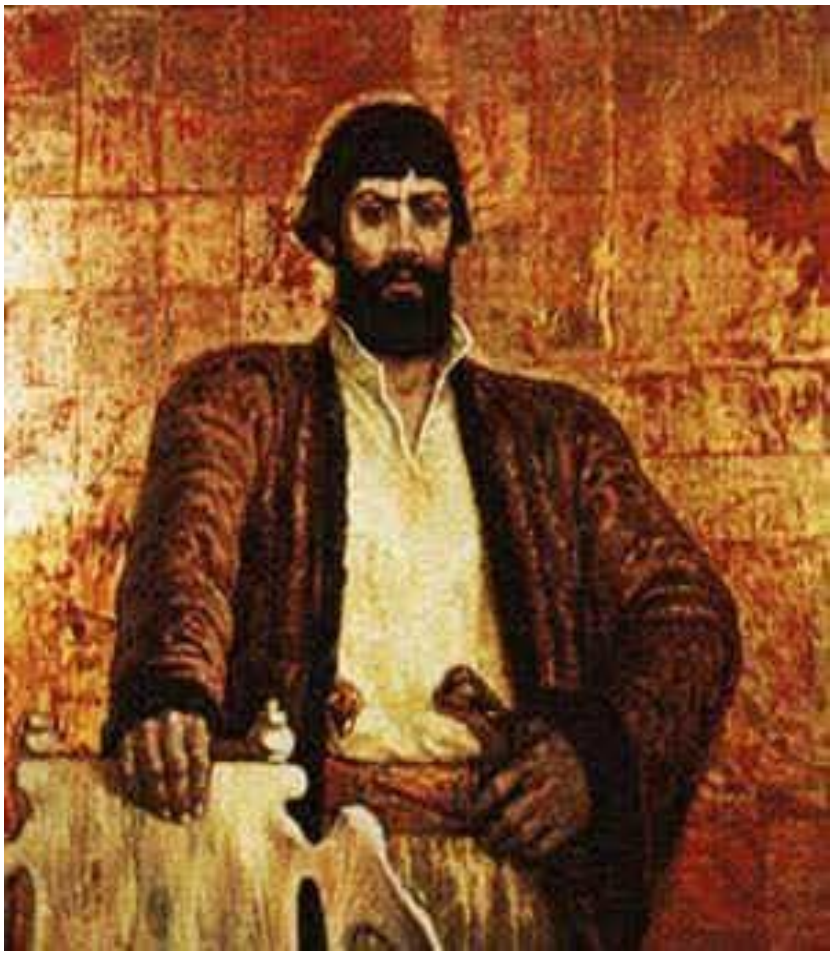
А.С.Пушкин «Капитанская дочка»

Роль калмыцкой сказки в раскрытии образа Е. Пугачева

- Слушай, – сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. – Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка.



Однажды орел спрашивает у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсе только тридцать три года?

- Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной.

Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон.

Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать.

Орел клюнул раз. Клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а том что Бог даст!

Пугачев знает, что восстание кончится поражением, но не считает бессмысленной борьбу за свободу. И не только потому, что надеется на возможную временную победу («Авось , и удастся!»). Им выстрадана иная, высокая вера, и выражена она в калмыцкой сказке.

Эпизод со сказкой – кульминация в раскрытии образа Пугачева. Он многозначен, и поэтому его нельзя сводить к извлечению морали из сказки, в которой прославляется смелая короткая жизнь.

Сказка обнаруживает глубину духовного устремления Пугачева. Живые, большие, сверкающие глаза, запомнившиеся Гриневу и заворожившие его, говорят о способности Пугачева к высоким чувствам, «к дикому вдохновению»

Сказка передает смысл реальной жизни Пугачева. Не может этот человек орлиной натуры жить по законам ворона, не видит он смысла в долгой жизни, если нужно питаться мертвечиной. Есть иная жизнь – пусть недолгая, но свободная: «Лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст!»

Пушкин поэтизирует способность и возможность человека быть сильнее враждебных обстоятельств. Смысл бытия – в свободе распоряжаться своей жизнью(вспомним любимую песню Пугачева о виселице, которая потрясла Гринева)

Чуткая к художественному слову Пушкина, Марина Цветаева, высоко ценившая диалоги Пугачева с Гриневым, справедливо пишет, что проходит он («как весь Пугачев и весь Пушкин») под эпиграфом: «Есть упоение в бою
У бездны мрачной на краю…
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья
Бессмертья, может быть, залог…»